

13 ноября

Ходили втроем гулять по каналу. И.А. рассказывал о своей первой книжке стихов, которая вышла как приложение к «Орловскому вестнику». Ему было лет 19. Обложка книжки была из бумаги, на которой чередовались: китаец, домик, мостик. «Одним словом, вроде той, которой оклеивают в некоторых местах уборные. Редактор “Вестника” был, конечно, человек сумасшедший. Представьте себе, кому нужна была эта книжка в Орле! Но за нее дали мне 40 рублей, а мне хотелось шляться, вот я и взял».

– В вас действовал верный инстинкт. Вам тогда нужно было шляться, – сказала я.

– Да, конечно, И.А., – сказал Л. – Вот мне, например, как было бы полезно, если бы были деньги, сесть в поезд и поехать куда-нибудь в Бургундию или даже по Провансу.

– И очень жаль, что я тогда шлялся, – сказал И.А., – если бы я тогда не терял времени и вовремя учился, работал – чего бы мог наделать!

– Как! – воскликнул Л. – Да ведь надо работать над чем-то! Ведь то, что вы тогда ездили, дало вам потом материал для работы!

В молодости, когда чувства и душа недостаточно развиты, видимое чаще всего подавляет. Для того чтобы почувствовать, надо тоже быть в известном возрасте.

Мы вышли на обрыв и сели на камни, глядя вниз, где в голубом тумане делала петлю дорога и широко, до моря, разлеглась долина, усеянная россыпью белых домиков. Позади были горы – оттуда стукнул выстрел.

– Вот разве я, когда слышал, как отец стреляет, разве я мог почувствовать этот выстрел, то, что он сначала как бы ударился во что-то, а потом разорвался... и многое другое, что бы я добавил сейчас и чего не мог бы разобрать тогда, – снова заговорил И.А. – Вообще, пока человек молод и неразвит, его или подавляет виденное, или, напротив, так изумляет, что он ничего не может о нем сказать. Пока человек не вышел из чего-нибудь, не возвысился над ним – не он владеет им, а оно – им. Все настоящее начинается, собственно, с 33-х лет.

– Поэтому, И.А., я думаю, лучше всего писать не о себе. Молодому автору лучше быть подальше от себя, – сказал Л.

– Ну отчего же? Напротив, все делали как раз так. Сначала пишут о себе.

– Ну тогда надо как-то очень изменять.

– А Толстой? Очень изменить – вместо Левочка назвать Николенька.

– Почему вы, И.А., так мало ездили по России? Вот это ваша ошибка, вы должны были бы все объездить.

– Да ведь это вам, когда вы потеряли Россию, все представляется так. А мне что же? Когда есть свой дом, в некоторые комнаты и не думаешь заглядывать. А когда потерял – кажется, всюду бы пошел. В Париже вон все бегут осматривать Нотр-Дам, а в Москве разве кто-нибудь ходил в Кремль?

– Я в Париже не видела могилы Наполеона, до сих пор не была в Инвалидах, – сказала я.

– И ничего не потеряла, – ответил И.А. – Более неудачно устроить могилу Наполеона нельзя было. Это производит не больше впечатления, чем кафельный пол в уборной.